

Михель МОРГАН:
«Мои герои — это я»

Мишель Морган — гордость французского кинематографа. Она снималась в таком количестве картин, что уже перестала вести подсчет. «Их было 70, 75, может быть, больше! Впервые это было еще в 1937 году». Семнадцатилетняя девочка училась тогда в драматической школе. И вдруг: «Не хотите ли сняться в картине?» Фильм назывался «Простофиля» и стал заметным явлением довоенного кино. Потом были годы работы в Голливуде...

Мишель Морган снимали крупнейшие режиссеры Франции. Актеры Жан Габен, Жерар Филипп и Бурвиль считали за честь появиться рядом с ней на экране. Поистине фантастический успех пришел к актрисе в пятидесятые годы. Восемь раз подряд награждалась она лаврами лучшей исполнительницы женских ролей на крупнейшем международном фестивале в Каннах.

Советские зрители видели Мишель Морган в «Больших маневрах», «Нозль Фортюна», «Призрачном счастье».

Получить интервью у Мишель Морган в Париже — исключительно трудно. Бдительно охраняя спокойствие актрисы, справочные конторы никогда не дают ее адреса, номера телефона. Но в Москве мне повезло. Она оказалась в составе делегации на Неделе французского кино.

Сначала был разговор по телефону. Да, она готова дать интервью. Но, увы, через два часа самолет. Ее ждут в холле гостиницы, она должна ехать. Вот, если я соглашусь побеседовать в машине.

...Остается позади улица Горького, и, обгоняя другие автомобили, наша «Волга» стремительно несется по Ленинградскому проспекту. Мишель Морган неохотно отрывает взгляд от окна:

— Я впервые в Москве. Не люблю самолет, а тут отважилась лететь так далеко от Парижа. К сожалению, не удалось рассмотреть вашу столицу в той мере, как хотелось бы. Получила лишь общее представление о древней и одновременно молодой Москве. Жаль, что не было времени, а то ведь не удержалась бы от соблазна устроиться где-нибудь с мольбертом и красками.

Мишель Морган всю жизнь делит свои привязанности между кинематографом и живописью. И в Москве первым делом побывала в Пушкинском музее, Третьяковке.

Разговор заходит о призвании актера.

— В наш век актриса должна много работать, во многом участвовать, набираться впечатлений и стараться трансформировать их в своем сознании, иначе отстанешь от жизни, окажешься банальной и неинтересной. Я не понимаю искусство, которое пытается существовать само по себе. Мои героини всегда живут или жили где-то рядом со мной. Их заботы, радости, мечты вне экрана были моими заботами, радостями, мечтами.

Актриса много сделала в искусстве. Полушутливо, полусерьезно она объясняет это тем, что в детстве гороскоп предсказал ей необычайную судьбу. «Может, поэтому я всегда верила в себя». Общественное мнение Франции да и всего мира уже несколько десятков лет отдает ей пальму первенства среди актрис, восторгаясь той жизненной правдой ее героинь, которую ощущает каждый, придя в кино на ее фильмы.

В облике Мишель Морган, в жестах ее нет той продуманной небрежности, какую можно заметить, глядя на иного актера. Она одета скромно, может быть, строго. И в этом даже «внеэкранном» облике актрисы тоже живет наше неизменное представление о ней — «мадам Франции».

— Скучаю без съемок. Не снимаюсь уже три года, — говорит она, угадав мой следующий вопрос. — Нет подходящей роли. Предложений хватает, а интересного нет. Сейчас появилась надежда. Нина Компанец пишет сценарий специально для меня. Я его еще не читала, но знаю: там будет образ француженки со всеми ее заботами и переживаниями, минутами радостей и часами трудностей.

Вы спрашиваете, почему я не играю в классическом репертуаре? Такие роли даются театральным актерам, а я не люблю театр. Вернее, у меня никогда не было времени и сил играть в театре, регулярно, каждый вечер.

Актриса знает советское кино. Ей нравятся, больше того, она любит «Сорок первый», «Балладу о солдате», «Начало». Ее восторгает красота и эпохальность «Войны и мира». Мишель Морган высоко ценит мастерство Григория Чухрая, Сергея Бондарчука, Глеба Панфилова. В ее представлении это люди с сильными характерами, глубокие художники. Ей вообще нравятся в жизни сильные характеры. А если режиссер еще и умеет не подавлять актера, дает ему творить перед кинокамерой, такой режиссер всегда самобытен, оригинален и значителен.

Наше путешествие подходит к концу. Машина сворачивает к широкому подъезду Шереметьевского аэропорта. Мишель Морган выходит из машины, дружески протягивает руки:

— До свидания, Москва!

Ю. ЗАРУБИН.